

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ
HISTORY OF RUSSIAN CULTURE

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-561-576>

EDN: LGMGMT

Научная статья / Research article

**Становление политического дискурса православного
западнорусского духовенства в период
польского мятежа 1863 года**

Александр Юрьевич Бендин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉ bendin26256@yandex.by

Аннотация: Исследуются региональные особенности польского сепаратистского мятежа 1863 г. на территории Литвы и Белоруссии, которые являлись частью Западной России. Общие цели мятежа, направленные на отторжение от Российского государства Царства Польского и Западной России и его региональные, западнорусские особенности оказали непосредственное воздействие на становление политического дискурса православного духовенства и его основных концептов. Особая роль, которую играло в мятеже политизированное римско-католическое духовенство, обусловило содержание концептов и идейно-ценностной составляющей используемого им пропагандистского дискурса. Важную роль в религиозно-политической пропаганде польского католического духовенства играл вопрос восстановления Униатской церкви Западной России, упраздненной на Полоцком соборе 1839 г. Западнорусское православное духовенство, состоявшее в основном, из бывших униатов, оказалось привлекательным объектом для такой пропаганды. Аргументы пропаганды в пользу восстановления унии сопровождались угрозами, насилиями и убийствами православных священников. Ответом на действия сепаратистов стал политический дискурс, основные концепты которого стали формироваться митрополитом Литовским Иосифом (Семашко), ранее принадлежавшим к унии. Историческую основу дискурса составили концептуальные идеи Н.Г. Устрялова, который рассматривал историю России как общерусскую, включив в нее историю Западной России. Автор приходит к заключению о том, что, основными концептами политического дискурса стали «русская народность» и единство западнорусского православия – политическое, церковное, этническое с русской монархией, Русской церковью и русским народом. Политический дискурс западнорусского духовенства находил свое выражение в богослужениях, публикациях церковной печати, проповедях и акциях поддержки политики Александра II.

Ключевые слова: церковная уния, русская народность, единство, церковная периодика, шляхетско-ксендзовский мятеж

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 24-18-00294). Название проекта: «„Русский мир“ и „русская земля“: историче-

© Бендин А.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ские и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX – начала XX в.». Руководитель А.Э. Котов.

Для цитирования: Бендин А.Ю. Становление политического дискурса православного западнорусского духовенства в период польского мятежа 1863 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 561–576. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-561-576>

Formation of Political Discourse of Orthodox Western Russian Clergy during January Uprising of 1863

Alexander Yu. Bendin

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

✉ bendin26256@yandex.by

Abstract: The author examines the regional characteristics of the Polish separatist uprising of 1863 (January Uprising) in the territory of Lithuania and Belarus, a territory which was part of Western Russia at the time. The general goals of the uprising aimed at separating the Kingdom of Poland and Western Russia from the Russian state, and its regional Western Russian characteristics had a direct impact on the formation of the political discourse of the Orthodox clergy and their conceptual output. The special role played in the uprising by the politicized Roman Catholic clergy determined the content of those concepts and the ideological values of the component of discourse used by them. An important role in the religious and political propaganda of the Polish Catholic clergy was played through the issue of restoring the Uniate Church of Western Russia, which had been abolished at the Synod of Polotsk in 1839. The Western Russian Orthodox clergy, which mainly consisted of former Uniates, turned out to be an attractive subject for such propaganda. The propaganda arguments in favor of restoring the union were accompanied by threats, violence, and murders of Orthodox priests. The response to the actions of the separatists was a political discourse, the main concepts of which were formed by Metropolitan Joseph (Semashko) of Lithuania, who had previously belonged to the union. The historical basis of the discourse was the conceptual ideas of N.G. Ustryalov, who considered the history of Russia as all-Russian, including the history of Western Russia. The author comes to the conclusion that the main concepts of the political discourse were “Russian nationality” and the unity of Western Russian Orthodoxy (political, ecclesiastical, and ethnic) with the Russian monarchy, the Russian Church, and the Russian people. The political discourse of the Western Russian clergy found expression in church services, publications of the church press, sermons, and overt actions to support the policies of Alexander II.

Keywords: church union, Russian nationality, unity, church periodicals, noble-priest rebellion

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00294). Project title: “The “Russian World” and the “Russian Land”: Historical and Socio-Political Aspects of the Problem of National Identity in the Publicistic Discourse of the mid-19th – Early 20th Centuries.” Supervisor: A.E. Kotov.

For citation: Bendin, A.Yu. “Formation of Political Discourse of Orthodox Western Russian Clergy during January Uprising of 1863.” *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 4 (November 2025): 561–576. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-4-561-576> (in Russian).

Введение

Актуальность. Во время польского мятежа 1863 г., угрожавшего территориальной целостности Российского государства, вопрос о Западной России оказался в центре внимания правительства, общественно-политической и исторической

мысли¹. Для его решения потребовалась не только безусловная военная победа над сепаратистами в Царстве Польском и Западной России, но и всесословно-конфессиональная и монархически-патриотическая мобилизация российского общества, принявшая форму массовой поддержки действиям правительства Александра II по защите суверенитета и территориальной целостности Российского государства.

Для сепаратистского мятежа 1863 г., происходившего в Царстве Польском и на территории Западной России, была характерна религиозная составляющая, с присущими ей идейными ценностями и психологическими особенностями, которые были свойственны части римско-католического духовенства². Феноменальная уверенность польских сепаратистов в своем неоспоримом праве на власть и господство в Западной России опиралась на исторически сложившееся экономическое и социокультурное доминирование польской колониальной элиты и комплекс идей политического и религиозного реванша за утраченную государственность, поражение в русско-польской войне 1831 г. и упразднение Греко-католической церкви в 1839 г.³

Особая политическая и религиозная миссия в вооруженном мятеже с ее сакральными, идейными и мобилизационными функциями, которую добровольно взяла на себя радикально настроенная часть римско-католического духовенства, стала вызовом и прямой угрозой для православного духовенства Западной России и его многочисленной паствы⁴. Исторический противник западнорусского православия, пришедший из Польши и присоединивший на этот раз к традиционным богословско-каноническим аргументам своего церковного превосходства вооруженную силу, терроризм и националистические идеи, представал теперь в роли политического врага. Его сепаратистские претензии на Западную Россию обусловили необходимость в ответной идейной и религиозной аргументации православного духовенства, от которого требовалось убедительно обосновать историческое первенство православия на древнерусских землях и связанное с ним право западных русских жить в Западной России под законной властью российского императора.

Степень изученности проблемы. В Западной России православное дворянство, чиновники, купцы и мещане были немногочисленны. В связи с этим субъектами политического дискурса наряду со светскими публицистами становились представители православного духовенства, которое совершало церковное служение на территории распространения мятежа. О проявлениях верности этого духовенства императору Александру II и священноначалию Русской церкви в Литве и Белоруссии, о жертвах, понесенных духовенством от террористических действий мятежников, существует ряд работ, написанных белорусскими исследователями⁵.

¹ Речь шла о государственной принадлежности древних русских земель – Литвы, Белоруссии, Волыни и Подолии, которые были присоединены к России Екатериной II в результате разделов Речи Посполитой в 1772–1795 г., и единстве большого русского народа – белорусов, малороссов и великоросов в границах общего Русского государства. По словам М.О. Кояловича, Западная Россия включала в себя Малороссию, которую составляли Киевская, Подольская и Волынская губернии; Белоруссию – Витебская, Минская и Могилевская губернии; Литву – Виленская, Ковенская и Гродненская губернии: *Коялович М.О. Историческое исследование о Западной России, служащее предисловием к Документам, объясняющим историю западно-русского края и его отношения к России и к Польше*. СПб., 1865. С. X–XII.

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 204–205; РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 30. Л. 127.

³ *Белецкий А.В.* Сборник документов музея графа М.Н. Муравьева. Т. 1. Вильна, 1906. С. XVII–XVIII; *Сераковский С.* Польский вопрос // *Русская старина*. 1884. № 1. С. 53–55.

⁴ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1868 г. СПб., 1869. С. 36.

⁵ *Линкевич В.Н.* Взаимоотношения католичества и православия в белорусских губерниях во второй половине XIX–начале XX в. // *Русский сборник: исследования по истории России*. 2012. Т. 12. С. 96–118;

Однако работы, в которых предметом исследования является политический дискурс западнорусского духовенства в период польского мятежа 1863–1864 г., практически отсутствуют, что делает актуальной заявленную тему исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предметом исследования становится политический дискурс западнорусского духовенства Литвы и Белоруссии, ставший реакцией на политические, идейные и церковные вызовы польского сепаратизма.

Целью исследования является определение особенностей становления и развития регионального политического дискурса православного западнорусского духовенства, используемого в период польского мятежа в церковной периодике, богослужении и проповедях как средства формирования общерусского самосознания, легитимации права самодержавной монархии на Западную Россию и готовности к защите Российского государства.

Источниковую базу исследования представляет комплекс архивных и опубликованных материалов о церковных и политических событиях в период польского мятежа 1863 г., которые были выявлены и проанализированы автором. В их числе – фонды Российского государственного исторического архива: Канцелярия министра внутренних дел (Ф. 1282); Совет министра внутренних дел (Ф. 1281); Западный комитет (Ф. 1267); И.П. Корнилов (Ф. 970); Департамент духовных дел иностранных исповеданий (Ф. 821), а также личный фонд М.Н. Муравьева (Ф. 811) в Государственном архиве Российской Федерации. Были использованы материалы Национального исторического архива Беларуси. В Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно были выявлены документы из фонда «Канцелярия Гродненского губернатора» (Ф. 1). Кроме того, использовались материалы Литовского государственного исторического архива: Архив музея графа Михаила Муравьева (Ф. 439) и Канцелярия Виленского, Ковенского и Гродненского Генерал-губернатора (Ф. 378).

Источниковая база включает в себя дореволюционные сборники опубликованных документов Муравьевского музея; тематические издания документов о событиях мятежа 1863 г. советского периода; «Литовские епархиальные ведомости», выходившие в первую половину 60-х гг. XIX в.

Региональные особенности польского мятежа 1863 г. в Западной России

После победы русской армии в русско-польской войне 1831 г. правительство Николая I осуществило ряд мер по ограничению польского-католического доминирования в Западной России и ее дальнейшей интеграции в состав Российского государства⁶. Ключевым элементом николаевской интеграции стало добровольное воссоединение западнорусских униатов с Русской церковью, произошедшее на Полоцком соборе 1839 г. Это поворотное событие в жизни Русской церкви стало одновременно

Щеглов Г. Год 1863. Забытые страницы. Минск, 2013; *Романчук А.* Конфессиональные аспекты польского восстания 1863–1864 годов // Тетради по консерватизму. 2023. № 3. С. 42–59. <https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-3-44-61> EDN: RPRWHZ; *Бендин А.Ю.* Патриотическая мобилизация православных епархий Северо-Западного края России в годы Первой мировой войны (август 1914 – начало 1917 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 4. С. 427–440. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-427-440>

⁶ Журналы Комитета Западных губерний: в 2 т. / изд. подгот. Т.В. Андреева, И.Н. Вибе, Б.П. Милославских, Д.Н. Шилов. СПб., 2017 (т. 1), 2021 (т. 2).

и событием политическим, которое привело к существенному расширению социальной опоры российской монархии в Западной России. Упразднение Греко-католической церкви на территории России завершило, в свою очередь, церковное воссоединение большого русского народа – великорусов, малороссов и белорусов в юрисдикции «господствующей» Русской церкви. В Литве и Белоруссии воссоединенный епископат, духовенство и миряне стали численно преобладающими сравнительно с «древле-православными», которые оставались верными Православной церкви со времени крещения Руси⁷.

С этого времени начался процесс усвоения бывшими униатами, подвергшимися длительной латинизации и полонизации, традиций и правил Русской церкви. Процессу церковной интеграции и усвоения великорусской культуры препятствовало укоренившееся в сознании и поведении иерархии и духовенства многообразное наследие унии в области церковной обрядности, польские культурные обычаи, бедность и экономическая зависимость от польских помещиков⁸.

За отменой крепостного права в 1861 г., освободившего западнорусских крестьян от власти польских помещиков, последовал сепаратистский мятеж, начавшийся в январе 1863 г. в Царстве Польском, а затем организованно перенесенный в Западную Россию. Главной целью мятежников, опиравшихся на внешних и внутренних союзников, было восстановление независимого Польского государства в восточных границах 1772 г. Основным местом, в котором развернулись вооруженные столкновения между частями Русской армии и иррегулярными отрядами мятежников в Западной России, стали Литва и Белоруссия⁹.

В Малороссии вооруженные выступления шляхты не получили опасного развития и были быстро подавлены воинскими частями с помощью православного крестьянского населения¹⁰. В Литве и Белоруссии в связи с близостью Царства Польского и более широкой социально-религиозной и этнической базой мятежа, (дворянско-шляхетской, католической, польско-литовской) вооруженные столкновения частей Русской армии с сепаратистами приняли более масштабный и ожесточенный характер¹¹. Партизанская война, которые вели иррегулярные отряды мятежников, опиравшихся на экономически доминировавшее польское меньшинство и литовских крестьян-католиков, сопровождалась террористической тактикой, направленной на устрашение жителей края, верных российской монархии¹².

Особую роль в подготовке и проведении мятежа в Литве и Белоруссии сыграло римско-католическое духовенство, которое, обладая духовной властью над своими

⁷ Шавельский Г. Последнее воссоединение с Православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб., 1910. С. 293–256; Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873. С. 352–392.

⁸ Тихомиров С. Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Т. 3. Сергиев Посад, 1901. С. 196–200; Коялович М.О. Историческое призвание западно-русского православного духовенства // Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 2. С. 67; Миловидов А.И. Заслуги графа М.Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 39–42, 53–56.

⁹ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края / сост. А.И. Миловидов. Вильна, 1915. Ч. 2. С. 430–432.

¹⁰ Ананьев С.В. Украинский аспект польского восстания 1863 г.: забытые уроки прошлого // Вестник СГТУ. 2014. № 3. С. 150–154. EDN: TGNFQZ ; Кренке В.Д. Усмирение польского мятежа в Киевской губернии в 1863 году. Отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1883. № 10. С. 106–134.

¹¹ Архивные материалы Муравьевского музея...

¹² Мосолов А.Н. Виленские очерки. 1863–1865 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898. С. 27.

прихожанами, технологически использовало ее для мобилизации в отряды мятежников и в подпольные организации, применяя такие инструменты как исповедь и присяга. Ксендзы принимали участие также и в боевых действиях против Русской армии в качестве капелланов и полевых командиров¹³.

Божественная санкция, которую давали ксендзы своим прихожанам на участие в мятеже, придавало вооруженным выступлениям сепаратистов характер «священной войны», которую ведут католики в защиту веры, которую российское правительство якобы «намерено истребить»¹⁴. В религиозной пропаганде мятежа, осуществляемой с помощью прокламаций, плакатов и проповедей ксендзов с церковных амвонов, ставилась цель разжигания религиозного фанатизма, политической и национальной «ненависти ко всему русскому»¹⁵.

Православные русские именовались «москалями» и «схизматиками», которые причислялись к «врагам самого Бога, за то, что они не верят в папу; потому что они относительно его «бунтовщики и подобны дьяволам», что «схизматики суть дети дьявола, церковь схизматиков есть дьявольская синагога, в причастии схизматиков сидит сам дьявол». Подобные наставления внушались ксендзами во время исповеди, а в проповедях духовенство призывало свою паству взять в руки оружие, чтобы убивать «москалей» и «схизматиков» во имя освобождения Польши и получения награды на небесах. Владение профессиональными навыками суггестии позволяло ксендзам манипулировать религиозным сознанием паствы и вводить ее в аффективное состояние призывами «Острите косы для истребления схизматиков!»¹⁶.

Таким образом, нелегальная пропаганда сепаратистов наряду с социально популистскими обещаниями, направленными на создание социальной крестьянской базы сословного «шляхетско-ksenдзовского мятежа», широко использовала и религиозный фактор, пропагандистски эффективный в управляемой ксендзами фанатичной всесословной и полиэтнической католической среде¹⁷. Инструментом вовлечения католиков в мятеж стал пропагандистский религиозно-политический дискурс, в котором использовались концепты агрессивной русофобии, принудительного упразднения унии, Западного края как польского отечества, борьбы за восстановление господства католичества и польской шляхты в Западной России¹⁸.

¹³ Бендин А.Ю. Роль римско-католического духовенства Северо-Западного края Российской империи в польском восстании 1863 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 2. С. 357–386. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-2-357-387> EDN: XWOTFZ; Стороженко А.П. Ксендз Мацкевич, предводитель шайки мятежников // Вестник Западной России. Книжка XII. Т. IV. Отдел IV. Вильна, 1866. С. 243–266; РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 79. Л. 114.

¹⁴ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 19. С. 742.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1281. Оп. 7. Д. 79. Л. 114; Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 424.

¹⁶ Зубко А. О Греко-унитской церкви в Западном крае России. Минск, 2019. С. 90; Бендин А.Ю. Михаил Муравьев-Виленский: реформатор и усмиритель Северо-Западного края Российской империи. М., 2017. С. 189–208; Тяньшина Н.П. Польский вопрос как инструмент идеологической борьбы Запада против России // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 4. С. 35–51. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-25-25> EDN: MIYRTZ

¹⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 36. Л. 35 об.; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 248. Л. 6, 37–38; Ф. 1281. Оп. 7. Д. 34. Л. 68; Ф. 1281. Оп. 7. Д. 51. Л. 37; Ф. 1281. Оп. 7. Д. 39. Л. 76; Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Л. 18.

¹⁸ Ратч В.Ф. Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западном крае России. Т. 1. Вильна, 1867. С. 124; РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 3. Л. 25, 69.

Политические аспекты униатского вопроса в Литве и Белоруссии

Накануне мятежа униатский вопрос приобрел особую актуальность для обеих сторон конфликта. Проблема политической лояльности к России и православию бывших униатов, которые стали воссоединенными православными, иерархией, священниками и мирянами, тревожила администрацию и архиереев Северо-Западного края. Например, сомнения в верности церкви и государству бывших униатов выказывал воссоединенный архиепископ Минский Михаил (Голубович). «Народ здесь еще не утвержден в православии и, если разразится буря неблагоприятных обстоятельств, – все улетит безвозвратно. Старье от унии еще не отстало, молодежь и новое поколение к православию еще не пристали, – и потому древней борьбы за русскую веру, вероятно, не будет. Тогда вера укрепились веками, а теперь со дня воссоединения едва протекли 2 десятка лет»¹⁹.

Сепаратисты же стремились вовлечь в мятеж воссоединенных православных мирян и духовенство, рассчитывая на сохраненную в бывших униатах приверженность к Риму, Польше и традиционной польской идентичности, обещая от имени Папы Римского восстановить унию, упраздненную в Западной России на Полоцком соборе 1839 г.²⁰

Для достижения поставленной цели предполагалось расколоть западнорусское православие и его духовенство, как главную опору монархии, восстановить бывших униатов против «древлеправославных» и начать униатскую мобилизацию в отряды мятежников. Применяемые в данном случае политические технологии основывались на намерено сфальсифицированных сведениях о насилиях при упразднении унии, которые широко транслировались в проповедях ксендзов в Царстве Польском и Западной России, и которые внушались папскому двору «поверенным» подпольного «национального правительства»²¹.

В листовках, распространяемых среди воссоединенного духовенства, к которому сепаратисты обращались как к «отступникам от истинной униатской веры», содержались призывы к покаянию перед польскими униатами и польским отечеством, а также угрозы расправы и адских мук в случае сохранения верности православию и Русскому царю²².

Сохранение наследия полонизированной унии в церковном обиходе, в сознании и бытовой культуре воссоединенного духовенства содержало в себе потенциальную политическую опасность для Русской церкви и государства, которую пытались использовать руководители мятежа для восстановления польского господства над Западной Россией. В этих условиях западнорусское духовенство, как воссоединенное, так и «древлеправославное», ставшее объектом терроризма со стороны мятежных католиков, использовало имеющиеся средства церковной коммуникации – печати, проповеди, посланий и обращений для демонстрации своего идейно-ценностного размежевания с сепаратистами, утверждения русской идентичности воссоединенных православных Западной России, верности Русской церкви и российской монархии.

¹⁹ Мейер П.М. Подготовка к польскому мятежу в Минской губернии в 1861 г. Записки // Журнал «АСПЕКТ». Декабрь 2019. С. 34–35.

²⁰ Калиновский К. Из печатного и рукописного наследия. Минск, 1988. С. 57–58.

²¹ Попов А.Н. Последняя судьба папской политики в России. СПб., 1868. С. 196; Архивные материалы Муравьевского музея... Ч. 1, 1913. С. 29–34; Романчук А.А. К вопросу о преследованиях униатского духовенства в ходе общего воссоединения униатов с православными в 1839 году // Богословский вестник: научно-богословский журнал. 2018. Вып. 1. № 28. С. 154–177. EDN: YLWDZB

²² Архивные материалы Муравьевского музея... С. 47–48.

Политический дискурс православного духовенства и его основные концепты

Формирование политического дискурса, содержавшего концепты отречения от унии и возвращения в православную церковь, началось после воссоединительного Полоцкого собора 1839 г. Тогда же были сформулированы основные церковно-исторические и национальные нарративы, используемые в политическом дискурсе для обоснования правильности религиозного выбора, сделанного в пользу общецерковного возвращения униатов в православие. Создателем этих нарративов стал инициатор воссоединения западнорусских униатов епископ Литовский Иосиф (Семашко). В частности, в «Акте воссоединения» и в «Первом всеподданнейшем прошении», в которых давалось богословское обоснование восстановлению единства Греко-униатской церкви с Православно-кафолической восточной церковью и перехода в юрисдикцию Святейшего синода Русской церкви, содержалась опорная концептуальная схема общерусской истории, объясняющая церковный и этнополитический смысл принятых соборных решений.

Основные положения этой исторической схемы укладывались в концепцию общерусской истории России, которая была предложена в это время Н.Г. Устряловым²³. В своих ранних трудах историк осуществил переход от великорусской, по преимуществу, истории России, созданной М.Н. Карамзиным и его предшественниками, к истории общерусской, которая включала в себя историю Западной России, а значит, и воссоединенного большого русского народа или «русской народности»²⁴.

В основу церковной интерпретации общерусской истории была положена богословско-этническая аргументация, апеллировавшая к общему древнерусскому наследию, когда Православная церковь Западной Руси была «нераздельной частью» Вселенского православия и Греко-Российской церкви, а западнорусские предки представляли собой «нераздельную часть русского народа». Произошедшее отторжение Литвой западных областей Руси, а затем присоединение их к Польше привело к тому, что «русский православный народ», отделенный от «матери нашей России», был отторгнут от истинного православия и подчинен Римской церкви под именем униатов. Нетерпимость местного латинского духовенства к «духу русской народности и древним обрядам православного Востока» стало причиной угнетенного положения униатов, положив начало полонизации традиционной русской идентичности и латинизации самой унии. Российская держава, возвратившая «древнее достояние Руси», создала условия для воссоединения униатов с «прародительской Православной Российской церковью» и «всем русским народом». И государство же в лице императора Николая I придало соборному решению о воссоединении западнорусских униатов с православием силу государственного закона²⁵.

Официально принятые нарративы воссоединения содержали базовые концепты о том, что русскую идентичность населения западных губерний России определяют такие факторы, как общерусская история, берущая свое начало в Древней Руси, вселенское и общерусское православие и подданство Российского государства. В результате была создана идейно-ценностная составляющая политического дискурса, который создавался западнорусским духовенством по мере нарастания угрозы польского ирредентизма и сепаратизма.

²³ Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории: Рассуждение, написанное на степень доктора философии. СПб., 1836.

²⁴ Бендин А.Ю. Общерусская история в ранних трудах Николая Устрялова и Михаила Погодина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2025. Т. 70. № 2. С. 528–534.

²⁵ Записки Иосифа, Митрополита Литовского. Т. 1. СПб., 1883. С. 119–124.

Произошедшая государственно-церковная легитимация нарративов русской идентичности стала определяющей для их последующего развития в начале 60-х г. В период начавшегося в 1861 г. в Литве и Белоруссии движения польской дворянско-католической ирреденты, участники которой требовали от правительства административного воссоединения Литвы и Польши, митрополит Литовский Иосиф (Семашко) обратился к ко всем благочинным церквей и монастырей своей епархии. В предписании от 19 декабря 1861 г. митрополит предостерегал воссоединенное духовенство от униатских соблазнов и угроз «мести поляков», которые содержались в распространяемых тайно «мятежных воззваниях». Создаваемый авторитетным иерархом политический дискурс, обращенный к духовенству, был призван убедить священников в соблюдении своего долга перед паствой, Русской церковью и Россией.

Митрополит утверждал:

Эти воззвания и внушения сколько дерзки, столь же и невежественны. Нам указывают на Польшу! Но какое нам дело до Польши? Мы русские, дети бесчисленной Русской семьи, потомки Св. Владимира, – мы родились в России, присягали на верность Русскому царю... Нам указывают на униатскую веру! Как бы была, или могла быть униатская вера!? Не была ли Уния лишь коварной приманкой для отклонения отцов наших от России и от истинно Православной Восточной Церкви²⁶.

С началом вооруженного мятежа, охватившего в основном Ковенскую, Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии, происходило дальнейшее становление политического дискурса православного духовенства и его идейно-ценностной составляющей. Необходимость происходивших дискурсивных изменений вызывалась появлением новых факторов, воздействовавших на поведение и настроения православного духовенства и его паствы. Вооруженные выступления сепаратистов охватили обширные территории края в связи с чем сельское православное духовенство и миряне оказались уязвимыми перед террором и насилиями с их стороны²⁷. Активизировалась в это время и подпольная «латино-польская пропаганда», адресованная воссоединенному духовенству, с угрозами и призывами к церковной и политической измене иерархии Русской церкви и российскому императору²⁸.

Необходимость решительного противодействия разраставшемуся мятежу потребовала от администрации и церковной иерархии усиления религиозно-идейного воздействия на духовенство и паству с целью побудить их к поддержке действий, предпринимаемых правительством Александра II.

На становление политического дискурса духовенства оказывала влияние рационально выстроенная и системная политика виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, направленная на решительное подавление мятежа на основе слаженных действий войсковых частей, военно-гражданской администрации и сельских караулов²⁹. Административный дискурс Инструкции и распоряжений М.Н. Муравьева, энергичная и жесткая деятельность администрации по их испол-

²⁶ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 2. С. 44–45.

²⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 811. Оп. 1. Д. 68. Л. 36; Карпович О. «Невинные жертвы» Муравьева, или за что казнили участников польского восстания 1863–1864 гг. // Вестник Брестского технического университета. 2011. № 6. С. 22–34.

²⁸ Архивные материалы Муравьевского музея... Ч. 1. С. 47–48; Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. Выпуск первый. М., 1887. С. 308–309.

²⁹ Цылов Н. Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях 1863–1864. Вильна, 1866. С. 101–156.

нению, укрепляли твердость духа духовенства и мирян, придавая им уверенность в силе правительства и победе над мятежниками. Например, положения Инструкции М.Н. Муравьева размещались на страницах Литовских епархиальных ведомостей и служили для «сведения духовенству».

Свое воздействие на формирование политического дискурса оказывало христианское учение православной церкви, которое находило свое выражение в богослужебной практике. По распоряжению священноначалия западнорусское духовенство в текст великой ектении с марта 1863 г. включило дополнительные моления о примирительной силе христианской любви, о снисхождении на враждующих христиан Духа кротости, братолюбия, мира и всякого благочиния, а также об утолении кровопролития, крамолы, нестроений и междоусобной брани³⁰.

В связи с названными обстоятельствами политический дискурс духовенства в чрезвычайных условиях мятежа не должен был содержать нарративов ненависти к «врагу России» и мести за учиненные им злодеяния. Даже после известий о казнях и насилиях мятежников над православными священнослужителями в Литовской и Минской епархиях отношение духовенства к своим политическим врагам оставалась неизменно христианским:

Не православие ищет угнетения и порабощения католичества, а католичество посягает на святость и права православия. На ненависть католиков православные отвечают, что молитвою и любовью заплатят врагам нашим за пролитую кровь братьев наших и за все наши слезы и страдания³¹.

Редакция «Литовских епархиальных ведомостей», которые, по инициативе митрополита Иосифа (Семашко), стали первым регулярным церковным изданием в Северо-Западном крае России, выходявшим с начала 1863 г., в своем программном заявлении определила церковно-прикладные и идейно-ценностные приоритеты своей дальнейшей деятельности. Одной из приоритетных задач издания становилось формирование общерусского и общецерковного сознания «русской народности» Литвы путем взаимного сближения с православными великорусами³². Однако события мятежа внесли существенные коррективы в программу издания, властно определив новые темы публикаций.

В пропагандистском дискурсе сепаратистов решающее значение имел концепт «забранного» польского края, то есть Западной России, жители которого именовались «поляками извечно»³³, а польский язык служил лингвистическим маркером сословно-этнического и церковного превосходства над православным духовенством и его крестьянской паствой³⁴. В связи с этим в политическом дискурсе православного духовенства ключевую роль стал играть вопрос этнического самоопределения в пользу «русской народности», идентичность которой исторически была связана с православием.

В ситуации острого идейного противостояния с польским политическим национализмом и его русофобской составляющей духовенство как образованный носитель этнической идентичности в крестьянской среде, становилось выразителем

³⁰ Архивные материалы Муравьевского музея... Ч. 1. С. 330.

³¹ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 12. С. 442.

³² Там же. № 1. С. 1–5.

³³ ЛГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 12. Л. 114.

³⁴ Киприанович Г.Я. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский: очерк его жизни и деятельности по воссозданию западнорусских униатов с православной церковью в 1839 г. Вильна, 1894. С. 90.

общерусского самосознания своей паствы, публичная демонстрация которого служила одновременно проявлением российского патриотизма и верности Российскому государству. Следовательно, термин «русская народность» с содержательной точки зрения означал в тех условиях не только принятое в трудах Н.Г. Устрялова определение большого русского народа, но вместе с тем служило критерием исторической этнокультурной идентичности православного населения Западной России.

С начала 1863 г. в сообщениях и статьях воссоединенных приходских священников, размещаемых в «Литовских епархиальных ведомостях», содержались многочисленные сведения об участии православного духовенства в организации народного просвещения в «духе православия и русской народности», которое должно было вывести крестьянство из-под культурного влияния польского дворянства и римско-католического духовенства³⁵. В этой связи вставал вопрос об общерусском самосознании и культурных предпочтениях самих западнорусских священнослужителей, для которых польский язык являлся традиционным средством общения, в том числе и в кругу семьи³⁶.

Накануне мятежа о необходимости деполонизации культурных традиций западнорусского духовенства заговорили сами священнослужители. Так, священник И. Концевич, служивший в местечке Деречин Гродненской губернии, обращаясь к своим духовным собратям, работающим в народных училищах, заявлял:

Пора нам перестать стыдиться говорить по-русски; мы искони русские и должны содействовать к возбуждению заглушенной в нашем народе русской народности³⁷.

Призыв духовенства к освобождению от польской культурной гегемонии был поддержан церковной иерархией Северо-Западного края – митрополитом Литовским Иосифом (Семашко), архиепископом Полоцким Василием (Лужинским) и архиепископом Минским Михаилом (Голубовичем), которые в марте–июне 1864 г. своими распоряжениями запретили употребление польского языка в семьях священнослужителей.

Так, в предписании архиепископа Василия было указано, чтобы священники «изгнали вон польский язык и все польское», а пасомый ими народ «непрестанно наставляли и вразумляли в непреложной истине, что его предки вечно были русскими, что, хотя, по допущению Божию, и подпали некогда под тяжкий гнет правительства польского, не переставали, однако ж, быть истинно русскими»³⁸.

Политический дискурс этнического и политического самоопределения использовался западнорусским духовенством в качестве традиционного средства коммуникации с монархом, в принятой форме подачи «верноподданных адресов». В начале польского мятежа духовенство и миряне Минской губернии в адресах на имя императора Александра II противопоставляя себя «полякам», заявляли о своей приверженности к «русской народности» и православной вере, спасением которых они обязаны России и ее монархам³⁹.

Например, о том, что воссоединенные крестьяне имения Старые Жировицы Гродненской губернии «всегда были русские, что они сохранили и сохраняют завещан-

³⁵ Муравьев М.Н. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края // Русский архив. 1885. № 6. С. 186–187; Комзолова А.А. Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае // Российская история. 2020. № 2. С. 159–173. <https://doi.org/10.31857/S086956870009263-0> EDN: QWDTPU

³⁶ РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 876. Л. 19.

³⁷ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 5. С. 163.

³⁸ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1616. Л. 1–7.

³⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 559. Л. 202, 261.

ную предками православную веру, неповрежденную русскую народность и непоколебимую верность, и преданность православным всероссийским государям» сообщал слонимский благочинный прот. И. Соловьевич. Верноподданный адрес жировичских крестьян был направлен Александру II⁴⁰.

О своей принадлежности к «русской народности» заявляли семинаристы Литовской духовной семинарии. Сыновья воссоединенного духовенства, именуя себя «русскими по крови и по духу», выразили публично свою патриотическую и национальную позицию, называя православный белорусский народ Западной России, «искони русским», а себя детьми России, а не Польши. Таким был ответ на провокационные призывы сепаратистов, которые именовали их «сынами земли польской» и требовали взять в руки оружие для войны с Россией⁴¹. Мы не только «не сочувствуем польскому восстанию, – заявляли семинаристы – а еще считаем поляков своими непримиримыми врагами. Мы, русские, готовы все до одного выступить скорее против вас, мятежники, чем за вас»⁴².

Свое право называться русскими и православными семинаристы отстаивали, аргументированно ссылаясь на негативный исторический опыт польского господства в Литве и Белоруссии: подавления «русской народности» в Речи Посполитой, насильственного насаждения среди православных католичества греческого и латинского обряда, крепостнической эксплуатации, которой польские помещики подвергали белорусское крестьянство.

Исторические нарративы, используемые и интерпретируемые в политическом дискурсе патриотической и этнической самоидентификации семинаристов, были усвоены в процессе изучения гражданской истории, в котором использовалось учебное пособие Н.Г. Устрялова «Руководство к первоначальному изучению русской истории»⁴³. Судя по обширным сведениям из истории противостояния православия и унии, наставники семинаристов пользовались работой западнорусского историка М.О. Кояловича «Литовская церковная уния», изданной в 1859–1861 г.

Опасность, исходившая от действий и целей сепаратистов, потребовала от духовенства не только этнополитического самоопределения и ценностно-культурного размежевания с польской средой, но и выражения концепта единства, в котором принадлежность к православию и русской народности осознавалась в неразрывной связи с территориальной целостностью Российского государства и верностью монархической власти. Убедительную силу политическому дискурсу национально-патриотического единства придавала позиция Александра II, который публично заявил о своей решимости отстоять западные губернии от посягательств врагов «на древнее русское достояние» и защитить «единство царства всероссийского»⁴⁴.

Политический дискурс этно-церковного и государственного единства находил свое выражения и в торжествах, которые устраивались в честь тезоименитства генерал-губернатора Северо-Западного края М.Н. Муравьева, почитаемом западнорусским духовенством как «архистратиг земли Русской», который пресек стремление врагов к «насильственному отторжению нашего края от одного цельного политиче-

⁴⁰ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 8. С. 253–254; Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно). Ф. 1. Оп. 34. Д. 344. Л. 58.

⁴¹ Котович И. Историческая записка о Литовской духовной семинарии. Вильна, 1878. С. 69–70.

⁴² Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 14. С. 524–538.

⁴³ Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии (Протасовская эпоха и реформы 60-х годов). Выпуск второй. Вильна, 1909. С. 124.

⁴⁴ Литовские епархиальные ведомости. 1863. № 8. С. 264.

ского тела России», чтобы распространить в народе «свет образования на началах чистого православия и русской народности»⁴⁵.

Единство ключевых концептов, исторических и церковных нарративов политического дискурса духовенства, смысловых и функционально важных в период польского мятежа, нашло свое выражение в «слове» митрополита Иосифа (Семашко), произнесенное в Вильне 25 марта 1864 года, в память двадцатипятилетия воссоединения униатов с православной церковью, совпавшего с окончательным поражением мятежа.

Митрополит, опираясь на опыт, пережитый духовенством, народом и государством в 1863 г., воспроизвел и развил основные положения концептуальной схемы общерусской истории России, которая была использована в Акте воссоединения 1839 г. В основу этой схемы был положен тезис о Православии и Святой Руси как символе «целости и нераздельности самой России». Высказанные митрополитом суждения о русской идентичности населения и власти Великого княжества Литовского, борьбе православия с унией и полонизацией «русского народа» в Речи Посполитой, раскрывали смысл справедливой борьбы России за земли Западной Руси. Это долгое противоборство завершилась присоединением «русских областей» к «общему телу Русской земли» и восстановлением единства большого русского народа, сначала политического, а затем и церковного⁴⁶.

Мятеж 1863 г. ставил своей целью обесмыслить историю «собираания русских земель» и уничтожить практические результаты произошедшего воссоединения. То есть «раздробить могущественную Россию, чтобы покорить вновь Польше Русские области, русский православный народ, у которого свежа еще память прежнего ненавистного трехвекового порабощения». Вопреки насилию и угрозам сепаратистов «западнорусский народ», только недавно воссоединившийся с православием, показал себя столь же преданным России, как и «прочие русские», то есть «древлеправославные».

Тем самым митрополит утверждал не только историческую и нравственную правоту защитников территориальной целостности Российского государства. В его дискурсе раскрывался церковно-политический смысл исторической деятельности самодержцев – собирателей русских земель и правящих иерархов, совершивших церковное воссоединение 1839 г. В итоге возвращение униатов в православную церковь восстановило церковное и этническое единство большого русского народа, а испытание мятежом показало прочность их русской идентичности, верность русской церкви и российскому царю-Освободителю⁴⁷.

Заключение

Поражение польской армии в русско-польской войне 1831 г., упразднение Униатской церкви в Западной России в 1839 г., освобождение западнорусских крестьян в 1861 г. и подавление мятежа 1863 г. стали основными церковно-политическими событиями, которые утвердили Западную Россию в составе Российского государства, а западнорусских униатов в единстве с Русской церковью и большим русским народом. В сепаратистском мятеже 1863 г. важную роль играл религиозный фактор,

⁴⁵ Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31530. Л. 179–187.

⁴⁶ В своем «Слове» митрополит Иосиф опирался на работу: *Устрялов Н.Г.* О Литовском княжестве. СПб., 1839.

⁴⁷ Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 6. С. 187–196.

нашедший свое выражение в политической деятельности римско-католического духовенства – пропагандистской, организаторской и военной. Задачами религиозно-политической пропаганды сепаратистов стало вовлечение в вооруженную борьбу против Российского государства как римо-католиков, так и бывших униатов, воссоединенных с Русской церковью на Полоцком соборе 1839 г. Для достижения этой цели использовались концепты «забранного» Россией в 1772–1795 гг. польского края, польской идентичности католического населения края, включая бывших униатов.

Ответом на вызовы сепаратистской пропаганды стал политический дискурс западнорусского духовенства, процесс формирования которого начался со времени воссоединения униатов. Решающую роль в формировании этого дискурса сыграл инициатор церковного воссоединения митрополит Иосиф (Семашко). Исторические воззрения митрополита на судьбы православия в Западной России, которые были использованы в актуальном политическом дискурсе, опирались на общерусскую концепцию истории России, созданную Н.Г. Устряловым в 30-е гг. Термины общерусской истории, такие как «русская народность», единство «Русской земли», Русской церкви и Российского государства стали концептами политического дискурса западнорусского духовенства, которые находили свое применение в статьях церковной прессы, проповедях и патриотических акциях поддержки монархии. Вместе с тем на политический дискурс духовенства оказывало воздействие христианское вероучение и богослужебные традиции Русской церкви, призывавшие к миру и прощению врагов.

Поступила в редакцию / Submitted: 18.11.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 9.07.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 26.08.2025

References

- Ananyev, S.V. “Ukrainian aspect in the polish uprising in 1863: forgotten lesson of the past.” *Vestnik Saratov state technical university*, no. 3 (2014): 150–154 (in Russian).
- Beletsky, A.V. *Sbornik dokumentov muzeia grafa M.N. Murav'eva* [Collection of documents of the museum of Count M.N. Muravyov], vol. 1. Vilna: Obshchestvo revnitelei russkogo istoricheskogo prosveshcheniia Publ., 1906 (in Russian).
- Bendin, A.Yu. *Mikhail Murav'ev-Vilenskii: reformator i usmiritel' Severo-Zapadnogo kraia Rossiiskoi imperii* [Mikhail Muravyov-Vilensky: reformer and pacifier of the North-Western region of the Russian Empire]. Moscow: CIS-EMO Publ., 2017 (in Russian).
- Bendin, A.Yu. “Role of the Roman Catholic clergy of the Northwestern Krai of the Russian Empire in the 1863 polish uprising.” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 2 (2018): 357–386 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-2-357-387>
- Bendin, A.Yu. “Patriotic Mobilization of Orthodox Dioceses of the North-West Territory of Russia during the First World War (August 1914 – Early 1917).” *RUDN Journal of Russian History* 23, no. 4 (2024): 427–440 (in Russian), <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2024-23-4-427-440>
- Bendin, A.Yu. “All-Russian history in the early works of Nikolai Ustryalov and Mikhail Pogodin.” *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 70, no. 2 (2025): 528–534 (in Russian).
- Kalinovsky, K. *Iz pechatnogo i rukopisnogo nasledii* [From the printed and manuscript heritage]. Minsk: Belarus Publ., 1988 (in Russian).
- Karpovich, O. “‘Innocent Victims’ of Muravyov, or Why Participants in the Polish Uprising of 1863–1864 Were Executed.” *Bulletin of the Brest Technical University*, no. 6 (2011): 22–34 (in Russian).
- Katkov, M.N. 1863 god. *Sobranie statei po pol'skomu voprosu, pomeshchavshikhysya v Moskovskikh vedomostyakh, Russkom vestnike i Sovremennoi letopisi. Vypusk pervyi* [1863. Collection of articles on the Polish question, published in the Moscow Gazette, the Russian Herald and the Contemporary Chronicle. First issue]. Moscow: Universitetskaia tipografiia Publ., 1887 (in Russian).

- Kiprianovich, G.Ia. *Vysokopreosvyashchennyi Iosif Semashko, mitropolit Litovskii i Vilenskii: ocherk ego zhizni i deiatel'nosti po vossozdaniiu zapadnorusskikh uniats s pravoslavnoi tserkov'yu v 1839 g.* [His Eminence Joseph Semashko, Metropolitan of Lithuania and Vilnius: an essay on his life and work on the restoration of the Western Russian Uniates with the Orthodox Church in 1839]. Vilna: tipografiia I. Blyumovicha Publ., 1894 (in Russian).
- Komzolova, A.A. "Metropolitan Iosif (Semashko) and reforms of the public school in the North-Western Provinces." *Rossiiskaia istoriia*, no. 2 (2020): 159–173 (in Russian), <https://doi.org/10.31857/S086956870009263-0>
- Kotovich, I. *Istoricheskaiia zapiska o Litovskoi dukhovnoi seminarii* []. Vil'na: tipografiya Gubernskogo pravleniya [Historical note on the Lithuanian Theological Seminary]. Vilna: tipografiia Gubernskogo pravleniia Publ., 1878 (in Russian).
- Koialovich, M.O. *Istoricheskoe issledovanie o Zapadnoi Rossii, sluzhashchee predisloviem k Dokumentam, ob'iasnyiushchim istoriiu zapadno-russkogo kraia i ego otnosheniia k Rossii i k Pol'she* [Historical research on Western Russia, serving as a preface to the Documents explaining the history of the Western Russian region and its relationship to Russia and Poland]. St. Petersburg: tipografiya E. Pratsa Publ., 1865 (in Russian).
- Koialovich, M.O. "Istoricheskoe prizvanie zapadno-russkogo pravoslavnogo dukhovenstva [The Historical Calling of the Western Russian Orthodox Clergy]." *Litovskie eparkhial'nye vedomosti*, no. 2 (1863): 53–77 (in Russian).
- Koialovich, M.O. *Istoriia vossoedineniia zapadnorusskikh uniats starykh vremen* [History of the reunification of the Western Russian Uniates of old times]. St. Petersburg: tipografiia Vtorogo otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo velichestva kantselyarii Publ., 1873 (in Russian).
- Krenke, V.D. "Usmireniiie pol'skogo myatezha v Kievskoi gubernii v 1863 godu. Otryvok iz vospominanii [Suppression of the Polish Rebellion in Kyiv Province in 1863. Excerpt from Memories]." *Istoricheskii Vestnik*, no. 10 (1883): 106–134 (in Russian).
- Linkevich, V.N. "Relations between Catholicism and Orthodoxy in the Belarusian provinces in the second half of the 19th – early 20th centuries." *Russian Collection: Research on the History of Russia* 12 (2012): 96–118 (in Russian).
- Meyer, P.M. *Podgotovka k pol'skomu myatezhu v Minskoi gubernii v 1861 g. Zapiski* [Preparation for the Polish rebellion in the Minsk province in 1861. Notes]. Belgrad-Minsk: Izdatel'stvo zhurnala «Aspekt» Publ., 2019 (in Russian).
- Milovidov, A.I. *Zaslugi grafa M.N. Murav'eva dlia Pravoslavnoi tserkvi v Severo-Zapadnom krae* [Merits of Count M.N. Muravyov for the Orthodox Church in the North-West Territory]. Kharkov: tipografiia Gubernskogo pravleniia Publ., 1900 (in Russian).
- Mosolov, A.N. *Vilenskie ocherki. 1863–1865 gg. (Murav'evskoe vremya)* [Vilnius essays. 1863–1865 (Muravyov time)]. St. Petersburg: tipografiia A.S. Suvorina Publ., 1898 (in Russian).
- Muravyov, M.N. "Zapiska o nekotorykh voprosakh po ustroistvu Severo-Zapadnogo kraia [Note on some issues regarding the organization of the North-West Territory]." *Russkii Arkhiv*, no. 6 (1885): 184–193 (in Russian).
- Popov, A.N. *Posledniaia sud'ba papskoi politiki v Rossii* [The final fate of papal policy in Russia]. St. Petersburg: tipografiia F.S. Sushchinskogo Publ., 1868 (in Russian).
- Ratch, V.F. *Svedeniia o pol'skom myatezhe 1863 g. v Severo-Zapadnom krae Rossii. Tom 1* [Information about the Polish rebellion of 1863 in the North-West region of Russia. Volume 1]. Vilna: tipografiia Gubernskogo pravleniia Publ., 1867 (in Russian).
- Romanchuk, A.A. "Regarding the question of Uniate persecution during the reconciliation between the Uniates and the Orthodox in 1839." *Theological Bulletin* 1, no. 28 (2018): 154–177 (in Russian).
- Romanchuk, A. "Confessional aspects of the Polish uprising of 1863–1864." *Notebooks on Conservatism*, no. 3 (2023): 42–59 (in Russian), <https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-3-44-61>
- Shavelsky, G. *Poslednee vossoedinenie s Pravoslavnoi tserkov'iu uniats Belorusskoi eparkhii (1833–1839 gg.)* [The last reunification with the Orthodox Church of the Uniates of the Belarusian Diocese (1833–1839)]. St. Petersburg: tipografiia «Sel'skogo vestnika» Publ., 1910 (in Russian).
- Shcheglov, G. *God 1863. Zabytye stranitsy* [Year 1863. Forgotten pages]. Minsk: Vrata Publ., 2013 (in Russian).
- Sierakowski, S. "Pol'skii vopros [The Polish Question]." *Russkaia Starina*, no. 1 (1884): 53–55 (in Russian).
- Storozhenko, A.P. "Ksendz Matskevich, predvoditel' shaiki myatezhnikov [Priest Matskevich, leader of a gang of rebels]." *Vestnik Zapadnoi Rossii* 4, Book XII, no. IV (1866): 243–266 (in Russian).

- Tanyshina, N.P. "The Polish question as an instrument of the West's Ideological Struggle against Russia." *Science. Society. Defense* 10, no. 4 (2022): 35–51 (in Russian), <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-4-25-25>
- Titlinov, B.V. *Dukhovnaia shkola v Rossii v XIX stoletii (Protasovskaia epokha i reformy 60-kh godov). Vypusk vtoroi* [Theological school in Russia in the 19th century (Protasov era and reforms of the 60s). Second edition]. Vilna: Russkii pochin Publ., 1909 (in Russian).
- Tikhomirov, S. *Khronika moei zhizni. Avtobiograficheskie zapiski* [Chronicle of my life. Autobiographical notes], vol. 3. Sergiev Posad: 2-ia tipografiia A.I. Snegirevoi Publ., 1901 (in Russian).
- Tsylov, N. *Sbornik rasporyazhenii grafa Mikhaila Nikolaevicha Murav'eva po usmireniiu pol'skogo myatezha v severo-zapadnykh guberniakh 1863–1864* [Collection of orders of Count Mikhail Nikolaevich Muravyov on the suppression of the Polish rebellion in the northwestern provinces 1863–1864]. Vilna: tipografiia A. Kirkora i brat'ev Rommov Publ., 1866 (in Russian).
- Ustrialov, N.G. *O sisteme pragmaticheskoi russkoi istorii: Rassuzhdenie, napisannoe na stepen' doktora filosofii* [On the System of Pragmatic Russian History: An Essay Written for a Doctor of Philosophy Degree]. St. Petersburg: tipografiia L. Snegireva i K° Publ., 1836 (in Russian).
- Ustrialov, N.G. *O Litovskom knyazhestve* [About the Lithuanian Principality]. St. Petersburg: tipografiia Ekspeditsii zagotovleniia gosudarstvennykh bumag Publ., 1839 (in Russian).
- Zubko, A. *O Greko-uniatskoi tserkvi v Zapadnom krae Rossii* [On the Greek-Unite Church in the Western Region of Russia]. Minsk: Izdatel'skii sovet Belorusskoi Pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2019 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Александр Юрьевич Бендин, доктор исторических наук, профессор; Приглашенный исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; bendin26256@yandex.by; <https://orcid.org/0009-0003-9773-0260>; SPIN-код: 2485-5591.

Alexander Yurievich Bendin, Dr. Habil. Hist., Professor; Visiting researcher at St. Petersburg State University; 7–9 Universitetskaya naberezhnaya Str., St. Petersburg, 199034, Russia; bendin26256@yandex.by; <https://orcid.org/0009-0003-9773-0260>; SPIN-code: 2485-5591.